

29. *Энгельс Ф.* Диалектика природы / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 343–676.

30. *Энгельс – Эдуарду Бернштейну 25, 31 янв. 1882 г.* / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1964. Т. 35. С. 215–219.

УДК 124.43:1(091) (470+571)

А. А. Хамидов

A. A. Khamidov

Проблема идеального и ее решение Э. В. Ильенковым: анализ полемики

The problem of the ideal and its solution by E. V. Ilyenkov: analysis of polemics

Аннотация. Представлены главные положения теории Э. В. Ильенкова об идеальном и критический анализ положений оппонентов Э. В. Ильенкова.

Abstract. The article presents the main points of the concept of the ideal by E. V. Ilyenkov and provides a critical analysis of the propositions of E. V. Ilyenkov's opponents.

Ключевые слова: идеальное, объективные формы существования идеального.

Keywords: the ideal, objective forms of existence of the ideal.

Величайшей и, судя по всему, далеко еще по достоинству не оцененной заслугой Эвальда Васильевича Ильенкова перед мировой философией является то, что он *актуализировал* тему и проблему *идеального* (Ideelle). Впервые, как известно, в эксплицитной форме свои постановку и решение данной проблемы он изложил в мгновенно ставшей знаменитой статье «Идеальное», написанной для второго тома «Философской энциклопедии». Представляется *целесообразным переиздать* статью «Идеальное», поскольку она имеет самостоятельное значение.

В переработанном (частично сокращенном, частично расширенном) виде текст данной статьи вошел в Очерк восьмой («Материалистическое понимание мышления как предмета логики») монографии Э. В. Ильенкова «Диалектическая логика. Очерки истории и теории» [14, с. 184–210]. Данная глава с некоторыми, ничем не объяснимыми и никак *не оговоренными* редакцией и составителями (кто они, неясно) *купюрами* и редакторской

правкой переиздана во втором издании этой монографии [15, с. 164–188]. Текст главы восстановлен, правда, с некоторыми погрешностями, в составе книги Э. В. Ильенкова «Философия и культура» [22, с. 212–229]. (Отметим погрешности переиздания текстов Э. В. Ильенкова об идеальном. Основной погрешностью данной публикации является то, что в ней не воспроизведены авторские курсивы. Они присутствуют лишь в цитатах. Существуют и другие изъяны. Так, в известной сноске, в которой Э. В. Ильенков касается качества русского перевода одного из текстов Маркса, в котором речь идет об идеальности цены, допущены две погрешности. Первая состоит в том, что в первом предложении сноски слова, заключенные в скобки, завершаются восклицательным знаком [14, с. 194]. В книге же «Философия и культура» восклицательный знак, как и в издании «Диалектической логики» 1984 г., отсутствует [22, с. 219].

Еще одна погрешность. Э. В. Ильенков пишет: «Такая форма проявления и именуется у Маркса “идеальной или представленной” (*ideelle oder vorgestellte Form*), а не “существующей лишь в представлении”» [14, с. 195]. Во втором издании «Диалектической логики» немецкий текст в скобках сохранен [15, с. 174]. В книге же «Философия и культура» он *отсутствует* [22, с. 219]. Если первую погрешность можно объяснить невнимательностью, то последняя такому объяснению вряд ли поддается.)

В 1975 г. Э. В. Ильенков подготовил главу под названием «Диалектика идеального» для подготовленной в Секторе диалектического материализма Института философии АН СССР, где он работал, коллективной двухтомной монографии. На заседании ученого совета Института, возглавляемого Б. С. Украинцевым, монография была показательно разгромлена, причем основной и едва ли не единственный удар был нанесен именно по главе, выполненной Эвальдом Васильевичем. С большими купюрами и с измененным названием она была напечатана посмертно в журнале «Вопросы философии» [19, с. 128–140; 20, с. 145–158]. Изъяты, в основном, те места, где Э. В. Ильенков подвергает более глубокой, чем прежде, просто логически «убийственной» критике позиции Д. И. Дубровского и И. С. Нарского.

Полный ее текст и под своим названием впервые был опубликован лишь в 1984 г. [13, с. 8–77]. В нее, кстати, Э. В. Ильенков включил ряд фрагментов из статьи «Идеальное», не вошедших в текст очерка «Материалистическое понимание мышления как предмета логики».

Ниже мы остановимся на данном моменте подробнее, а пока отметим, что если между статьей «Идеальное» и восьмым очерком «Диалектической логики» не имеется *концептуальных* расхождений, то таковые между ними обоими и «Диалектикой идеального» уже можно обнаружить. Кроме того, следует отметить, что для философского творчества Э. В. Ильенкова тема и проблема идеального была одной из центральных. Поэтому так или иначе она затрагивалась им во многих работах, и в первую очередь в посвященных проблеме *идеала* [16–18].

Долгое время – фактически до конца его жизни – основной концептуальной позицией в решении проблемы идеального, диаметрально противоположной концептуальной позиции Э. В. Ильенкова, была позиция Д. И. Дубровского, по сути дела обретшего известность в философском сообществе благодаря Ильенкову. В 1968 г. Д. И. Дубровский опубликовал статью «Мозг и психика» [10]. Э. В. Ильенков подверг ее критике в статье «Психика и мозг (ответ Д. И. Дубровскому)» [21]. Д. И. Дубровский ответил на критику [11]. С этого времени он стал считаться специалистом по проблеме идеального, выразителем позиции, *альтернативной* позиции Э. В. Ильенкова.

В 1984 г. в журнале «Вопросы философии» была посмертно опубликована работа М. А. Лифшица «Об идеальном и реальном» [24, с. 120–145], в которой была представлена *третья*, не совпадающая ни с позицией Ильенкова, ни с позицией Дубровского, концептуальная позиция. Постановки и решения проблемы идеального, предпринимавшиеся на протяжении последующего десятка лет, вращались в «бермудском» треугольнике: *Ильенков – Дубровский – Лифшиц*. Данную ситуацию охарактеризовал в 1986 г. Д. В. Пивоваров. «Итак, – писал он, – перед нами три основные концепции идеального, на первый взгляд исключают друг друга в конечных выводах». В самом деле, по Д. И. Дубровскому, идеальное как исключительно субъективное переживание противоположно материальному; по Э. В. Ильенкову, идеальное прежде всего материально, но материально не вообще, а как схема материальной деятельности, складывающаяся независимо от человеческого сознания; по М. А. Лифшицу, «идеальное онтологически первично как в отношении к сознанию родового человека, так и в отношении к практической деятельности людей, оно характеризует особенное свойство всякого развития породить среди элементов класса предметов или процессов такой элемент, который наиболее полно концент-

рирует в себе объективную меру данного класса». «Каждая из точек зрения, – добавляет Д. В. Пивоваров, – имеет полные научные права на свое существование, поскольку доказательно воспроизводит те реальные ситуации, в которых люди обычно употребляют слово “идеальное” и производные от него словосочетания» [35, с. 12–13].

Оставим данное высказывание без комментариев. Более развернутую классификацию истолкований сущности идеального предложили О. А. Донских и А. Н. Кочергин: они их выделили *восемь* [6]. Но в целом большинство трактовок тяготеет на протяжении двух десятилетий либо к «модели Ильенкова», либо к «модели Дубровского». Позже некоторые авторы заявляли претензии на их синтез [37], а после публикации статьи М. А. Лифшица – даже на синтез всех трех моделей [34, с. 313].

О. А. Донских и А. Н. Кочергин, проанализировав основные позиции в трактовке идеального (они их, повторим, выделяют *восемь*), заключают: «Теперь можно сделать вывод, что расхождения между авторами больше проистекают из различий в *методологических принципах* анализа идеального, нежели из различий в представлениях о нем. Следовательно, необходим анализ этих принципов. А он может быть осуществлен только на базе работ классиков марксизма-ленинизма. Но тут мы сталкиваемся с определенными сложностями. Трудность понимания текстов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина связана с двумя обстоятельствами: 1) у классиков нет законченной концепции идеального, а есть лишь некоторый подход к ее созданию; 2) разные авторы, приводя одни и те же цитаты, делают из них порой взаимоисключающие выводы» [6, с. 147].

К этому следует добавить выявленную Э. В. Ильенковым, Г. С. Батищевым, А. П. Огурцовым и другими учеными *напасть* – вопиющие неточности в переводах на русский язык множества терминов, посредством которых зафиксирована философия К. Маркса, в том числе и терминов, относящихся к Марксовой трактовке идеального. Так, в тех местах, где в немецком оригинале стоит *vorgestellte* (т. е. *представленный*), в русских переводах стоит словосочетание «мысленно представляемый». Такой перевод изображает суть дела *прямо противоположным* образом: *объективное* подменяется *субъективным*. По поводу одного из таких переводов (речь идет о цене как *идеальной*, или *представленной*, форме; в переводе же сказано о ней – об идеальной форме – как о «существующей лишь в представлении») Э. В. Ильенков пишет: «Имеющийся перевод зачеркивает, по су-

шеству, *объективную диалектику*, которую Маркс вскрывает в отношении между стоимостью и ее денежным выражением, т. е. ценой» [14, с. 195]. И на подобные переводы ссылались, как на священный текст, сторонники «модели Дубровского» и, разумеется, сам ее создатель. Любопытно, что процитированное предложение *выпало* (или сознательно изъято?) из второго издания данной монографии [15, с. 174].

Для Э. В. Ильенкова, как и для М. А. Лифшица, основными теоретическими источниками по тематике идеального были не только сочинения К. Маркса, но и сочинения Г. В. Ф. Гегеля (чего, к примеру, нельзя сказать о Д. И. Дубровском и приверженцах его позиции). Гегель же в «Науке логики» писал: «*Ideale* имеет более определенное значение (прекрасного и того, что к нему относится), чем *Ideelle*; первому здесь еще не место; поэтому мы здесь употребляем термин *ideelle*. В отношении реальности это различие в словоупотреблении не имеет места: *das Reelle* и *Reale* употребляются приблизительно в одном и том же значении. Выяснение оттенков этих двух выражений в их отличии друг от друга не представляет интереса» [4, с. 215–216]. Иначе говоря, *Ideelle* – это *предельно абстрактная* форма того нечто, что противоположно *реальному* – уровню, сфере реальности. Это – предельно абстрактная, и потому еще *ценностно нейтральная* форма, «клеточка» того измерения, которое является *над-реальным*. *Ideale* же – это уже достаточно развитая, *конкретная* форма *Ideelle* и всей над-реальностной сферы. *Ideale* связано с *идеалом*. «В русском языке, – справедливо замечает М. А. Лифшиц, – к сожалению, нет двух слов для понятий *Ideal* и *Ideell*» [24, с. 130]. По-русски «идеально» и *то*, что противоположно реальному *вообще*, и *то*, что соответствует *идеалу*, который противоположен *конкретной* реальности. Зато в русском языке возможны термины *идеализованный* (это – от *Ideelle*) и *идеализированный* (это – от *Ideale*).

М. А. Лифшицу, разумеется, известно различие *Ideelle* и *Ideale*. Он отмечает, что уже Ф. В. Й. Шеллинг различает их концептуально. «Эту терминологию, – пишет он, – воспринял и Гегель, а от него она перешла в экономический анализ Маркса» [24, с. 130]. Э. В. Ильенков высказывает почти ту же мысль. «Маркс в “Капитале”, – отмечает он, – вполне сознательно использует термин “идеальное” в том его формальном значении, которое придал ему Гегель. <...> Значение термина “идеальное” у Маркса и Гегеля одно и то же, а вот понятия (т. е. способы понимания) этого “одного и того же” глубоко различны» [13, с. 48–49]. И он абсолютно прав.

Для Гегеля идеальное как *Ideelle* и идеальное как *Ideale* суть атрибуты Понятия и способы бытия Понятия. Так, в «Малой логике» Гегель пишет (на это место, кстати, ссылается в своей статье и М. Лифшиц): «В природе ступени понятия соответствует органическая жизнь. Так, например, растение развивается из своего зародыша. Последний содержит в самом себе уже все растение, но идеальным образом, и мы не должны понимать его развитие так, будто различные части растения – корень, стебель, листья и т. д. – уже существуют в зародыше *реально*, но только в очень малом виде» [5, с. 343]. В оригинале стоят соответственно термины «*ideeller*» и «*realiter*». На деле же в зародыше растение существует не идеально, а *виртуально*. Никакой идеальности в развитии растения *нет*, точно так же как нет ее в действиях пчелы, строящей соты, или в функционировании электронно-вычислительной машины. Но вернемся к позиции М. А. Лифшица.

Выше были процитированы слова Лифшица о том, что в русском языке не различаются *Ideelle* и *Ideale*. Но далее, после этих слов, он пишет: «В буквальном смысле вернее всего было бы перевести *Ideelle* словом “идейное”, но это слово приобрело совершенно другой смысл, а сказать “сущее в идеях” было бы уже пересказом содержания, а не переводом термина *Ideelle*. Так и получилось, что в русской марксистской литературе марксово *Ideelle* переводится как “идеальное”, а имеются в виду идеи нашей головы, нечто умственное, относящееся к сознанию. Все прекрасные цитаты, приведенные Эвальдом Ильенковым для обоснования своего тезиса, имеют в виду *не* идеальное, а принадлежащее к содержанию человеческой мысли, которое может быть как идеальным, так и совсем не идеальным. Везде в таких цитатах у Маркса стоит не *Ideale*, а *Ideelle*» [24, с. 130].

Из процитированного следует, что Э. В. Ильенков *не разобрался* – де в текстах Маркса, которые он читал на языке оригинала и попал в своеобразную ловушку: «в русской марксистской литературе» под *Ideelle* принято иметь в виду «идеи нашей головы», а он, видите ли, пытается – «вопреки Марксу» – обозначать как идеальное – *ideelle* нечто *объективное*, тогда как «на деле» у Маркса речь идет о «фактах сознания». Следовательно, и идеальность той же цены – это тоже факт сознания, но не индивидуального, как утверждает Дубровский, а общественного.

Трудно сказать, как читал тексты Маркса на немецком языке сам Лифшиц (а что он читал их, сомневаться не приходится), но он явно чего-то не домыслил. Э. В. Ильенков верен и букве, и духу этих текстов. А что *Ideelle* он переводит как «идеальное», то тут уж ничего не поделаешь.

Теперь, прежде чем двигаться дальше, отметим следующее. А. А. Новиков, по его словам, проанализировавший и сверивший с немецкими текстами около ста случаев употребления терминов «Ideelle» и «Ideale», отмечает, что Маркс и Энгельс, как правило, не путали их. «И все же, – уточняет он, – есть все основания полагать, что различие терминов “ideelle” и “ideale” для классиков марксизма не представлялось абсолютным, и в ряде случаев они употребляют термин “ideale” там, где по логике вещей, т. е. по смыслу, должно было бы стоять “ideelle”» [33, с. 51]. И это действительно так. Далеко ходить не надо. Широко известны слова Маркса: «И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то столь же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель» [30, с. 28]. Казалось бы, можно было бы со стопроцентной уверенностью полагать, что в оригинале стоит *ideell*. Но – увы! – там стоит... *ideal* [42, s. 28]. Возможно, это Марксова описка, а может быть, результат неверной расшифровки текста: ведь, как известно, Маркс лишь за десять лет до смерти (когда у него стало портиться зрение) перешел с готического *прописного* на латинский шрифт. А каков у него был почерк, известно.

Возвратимся к М. А. Лифшицу. В чем же он усматривает необходимость отмежеваться от Э. В. Ильенкова в трактовке идеального?

Основное несогласие с концепцией Э. В. Ильенкова М. А. Лифшиц выразил следующими словами: «В объяснении понятия идеального у Ильенкова я вижу две разные мысли, которые плохо вяжутся друг с другом. <...> Одна мысль состоит в том, что идеальное не принадлежит только человеческой голове, но имеет объективное существование, так же, как объективно существует его более широкая основа – всеобщее. Другая мысль состоит в том, что идеальное существует не как сознание отдельного человека, а как сознание общественное, коллективное и притом воплощенное в предметах труда и культуры. Можно с полным убеждением сказать, что эти мысли *не совпадают* и даже прямо *противоречат*» [24, с. 122].

Недостаточность концепции идеального, разработанной Э. В. Ильенковым, согласно М. А. Лифшицу, состоит в том, что Ильенков «почему-то» *ограничил* сферу бытия идеального *общественно-человеческой действительностью*. Э. В. Ильенков действительно утверждает, притом со всей категоричностью: «В природе самой по себе, в том числе в природе человека, как биологического существа, идеального *нет*» [14, с. 189]. «Идеальность... имеет чисто социальную природу и происхождение» [13, с. 52].

М. А. Лифшиц цитирует эти слова и рассуждает: «Но так ли это? Если идеальное есть форма человеческой деятельности, то она также существует в природе, а не вне природы. И откуда бы человеческий труд мог извлекать нечто идеальное, если бы он не был полезной общественному человеку стилизацией природы?» [24, с. 123]. М. А. Лифшиц убежден, что «идеальное есть во всем, оно есть и в материальном бытии и в сознании, оно есть и в обществе и в природе, или же его нет нигде» [24, с. 123].

М. А. Лифшиц уверен, что Э. В. Ильенков остановился на полпути и что в будущем он бы прошел его до конца, *т. е.* встал бы *на его*, М. А. Лифшица, точку зрения. Ему помешала-де, во-первых, полемика с субъективистски-номиналистской трактовкой идеального (Д. И. Дубровский и иже с ним), во-вторых, ранний уход из жизни.

«Так ли это?» – спросим и мы. Увы! И еще раз увы. Лично я убежден, что, вопреки мнению Лифшица, Э. В. Ильенков *никогда бы* не встал на его позицию. Ведь тот и другой придерживаются *принципиально различных* картин мира и человека. М. А. Лифшиц абсолютизирует так называемую ленинскую теорию отражения. Согласно ему, получается, что человеческая деятельность лишь *воспроизводит* объективные определения природной действительности. Э. В. Ильенков же стоит на позициях *творчества*. Эта позиция в свое время очень хорошо была выражена Г. С. Батищевым: «Человеческая действительность, которая есть также и действительность человека как субъекта, возникает только как выходящая за границы природы – как особенное царство, где *созидаются принципиально новые возможности*, выступающие для непосредственной природы как таковой как *невозможности*, т. е. где совершается *творчество*. <...> Человек строит культуру не на руинах природы, а на природном фундаменте, но это строительство вовсе не есть лишь продолжение им непосредственно природного развития» [2, с. 89–90]. Культура – *над-природна, над-естественна, или сверх-естественна* (как кому нравится). В любой культурный феномен, «артефакт», а *не только* в стоимость, говоря словами Маркса, «не входит ни одного атома вещества природы» [26, с. 56]. И *не только* товар как единство потребительной стоимости и стоимости является «чувственно-сверхчувственной вещью». Такое качество присуще *любому* феномену культуры, в том числе товару со стороны его *потребительной стоимости*.

Тут, правда, необходима оговорка. К. Маркс, как известно, постоянно говорит о потребительной стоимости товаров как об их *натуральной* форме.

Например: «Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т. д. Это их доморощенная натуральная форма» [26, с. 56]. Это, однако, *не следует понимать буквально*. Потребительная стоимость товара есть *опредмеченный труд*. «Действительная потребительная стоимость есть форма, которая придана субстанции. Эта форма, однако, есть лишь покоящийся труд» [43, s. 650]. Она есть единство природного материала («материи») и культурной, человеческой формы. (Маркс отмечает, что различные виды конкретного труда, зафиксированные в товарном теле, «не образуют единственную его субстанцию, а более или менее амальгамированы с природным веществом» [41, s. 30].)

Стоимость же (и меновая стоимость как ее проявление) – это *чисто общественная*, так сказать, *отношенческая* форма, накладываемая на это «натуральное» единство материала-материи и культурной формы. Абстрактный труд есть не что иное, как *реальное* отношение товаропроизводителей к труду друг друга как к труду вообще, к простой затрате рабочего времени, а стоимость – *реальное* их отношение к предметному воплощению такого – абстрактного – труда.

Объективную форму бытия идеальности К. Маркс открыл именно в мире товарного обращения. Согласно ему, товар есть единство потребительной стоимости и стоимости. Это – его *реальные* атрибуты. Однако *обнаруживаться* стоимость может лишь как *форма стоимости*, или иначе: как меновая стоимость, имеющая два полюса выражения – относительную форму и эквивалентную форму. А «форма стоимости вообще есть... лишь идеальная, или представленная, форма» [40, s. 122].

Маркс специально указывал, что представители вульгарной политической экономии, такие, как, например, С. Бейли, «смешивают форму стоимости и самую стоимость...» [26, с. 59, примеч. 17]. Между тем данное указание явно ускользнуло от внимания таких критиков концепции идеального, отстаиваемой Э. В. Ильенковым, как Д. И. Дубровский и И. С. Нарский. Последний, к примеру, писал: «Нельзя... согласиться с мнением автора, будто стоимость как реальная экономическая категория идеальна. Стоимость, а значит, и отношения в экономическом базисе общества объективно-материальны, хотя и не вещественны» [32, с. 29]. Между тем Э. В. Ильенков (вслед за Марксом) говорит об идеальности *формы стоимости*, а вовсе *не* стоимости, что он, кстати, специально оговаривает.

Если теперь вернуться к М. А. Лифшицу, предполагавшему, что в будущем Э. В. Ильенков в своей трактовке сущности идеального отошел бы от своей (а значит, и от Марксовой) позиции и перешел бы на позицию его, Лифшица, то можно отметить следующее.

М. А. Лифшиц *приписывает* Марксу свое понимание сущности идеального. Прежде всего он отмечает, что, как и у Гегеля, «у Маркса также два уровня – *Ideale* и *Ideelle* – различаются строго и различаются в самой действительности» [24, с. 131]. В этих словах не содержалось бы, мягко говоря, неточности при условии, что для Маркса, как и для Гегеля, *Ideelle* – это предельно абстрактная (а потому и ценностно нейтральная) противоположность *реальному*, а *Ideale* – это атрибут *идеала*. Но М. А. Лифшиц толкует их соотношение *иначе* и приписывает, вменяет это толкование Марксу. Он пишет, что то, что относится к области *Ideelle*, Э. В. Ильенков раскрыл правильно и в этом не исказил позицию К. Маркса. «Но Э. Ильенков, – заявляет он, – к сожалению, не заметил, что тайна идеального для Маркса кроется в другом. Ведь тот механизм “идеального полагания, или полагания реального продукта как *идеального образа другого продукта*”, который с таким вниманием к своим источникам изложил нам автор “Диалектической логики”, вызывает у Маркса, при всей его научной объективности, не восторг, а скорее отвращение» [24, с. 131]. Спрашивается, почему? Да потому, отвечает Лифшиц, что в «Капитале» проанализирована и описана система экономического *отчуждения*. Поэтому, рассуждает далее Лифшиц, «не всякая общественная форма является в глазах Маркса тайной идеального. И хотя как объективный ученый, не желающий смешивать свое учение с морально-сентиментальным пониманием общественных идеалов, Маркс редко открывает нам эту подлинную основу своего великого труда, нельзя забывать то значение, которое имеет для него общественный идеал в отличие от того, что существует в обществе только *Ideell*. Идеальное в историческом мире – это общество, соответствующее самому себе, своему подлинному смыслу, своему понятию. А что такое *Ideelle*? <...> *Ideelle* – это отражение “долгого и мучительного процесса развития”, принимающее активное, слишком активное участие в нем самом. Чувственно-сверхчувственная фантасмагория товарного мира – не выдумка, которую можно отместить остроумной критикой, а реальная часть самого этого общественного порядка. Вот что хочет сказать Маркс своим *Ideelle*» [24, с. 131].

Так оно, да не так. Карлу Марксу действительно претила всякая система отчуждения, капиталистическая – в особенности. И он, конечно, подвергал критике эту систему в том числе и с позиций идеала, каковым для него выступал такой тип социальности, в котором отношения между людьми соответствуют своему понятию, т. е. обусловлены самой сущностью человека. Маркс называл это общество коммунизмом. Но еще в «Немецкой идеологии» было сказано: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [27, с. 33]. Сверхзадачей «Капитала» и было для Маркса выявить те объективные тенденции в сфере капиталистически организованной экономики, которые ведут к преодолению этой экономики и базирующейся на ней (согласно материалистическому пониманию истории) общественной надстройке.

Что же касается *общей диалектики* реального и идеального (Ideelle), то она тут совсем не при чем. Она *одна и та же* что при коммунизме, что при капитализме, что в азиатском способе производства. Таковой ее изображал К. Маркс, таковой ее изображал, развивая идеи Маркса, Э. В. Ильенков. Поэтому, скажем, цена есть, конечно, *превращенная форма* меновой стоимости (еще точнее – ее эквивалентной формы) и, стало быть, одна из форм *отчуждения*. Но все это *нисколько не влияет* на само отношение реального и идеального в пределах стоимостного отношения. Поэтому-то на все времена в самом общем виде справедливы слова Э. В. Ильенкова о том, что идеальность есть «отношение представления (отношение репрезентации), отношение, в составе которого одна чувственно-воспринимаемая вещь, оставаясь самой собой, исполняет роль или функцию представителя совсем другой вещи, а еще точнее, всеобщей природы этой другой вещи, т. е. чего-то “другого”, чувственно-телесно вовсе на нее не похожего, и тем самым обретает новый план существования...» [13, с. 48].

Другое дело, что Э. В. Ильенков подчас неоправданно и как-то даже нарочито в работах по проблеме идеального (особенно в статье «Диалектика идеального») через запятую писал о «воплощении», «опредмечивании», «овеществлении» и даже об «отчуждении» идеального в теле своего носителя. Но для того, кто понимает, это не столь уж существенно.

Итак, Э. В. Ильенков *непосредственно к Марксу* примыкает в трактовке сущности идеального (Ideelle). Однако у К. Маркса есть одно место,

которое, так сказать, путает карты. В «Капитале» и примыкающих к нему работах Маркс соотносит идеальное с *реальным*, а вовсе не с *материальным*. Дело в том, что, вопреки Ф. Энгельсу и В. И. Ленину, материализм и идеализм конституировались в качестве самостоятельных философских направлений западноевропейской философии лишь с *Нового времени*. До этого можно обнаружить лишь намеки на них или их элементы.

К. Маркс объявил себя материалистом. Однако Марксов материализм ничего общего не имеет *не только* с предшествующим ему французским, английским или фейербаховским материализмом, *но и* с материализмом Энгельса и Ленина. Категория *материи*, материальности, которой оперирует Маркс, соотносится *не* с категорией *духа* (или сознания), а с категорией *формы* [38]. В этом отношении он примыкает к той философской традиции, которая идет не от Т. Гоббса, а от Платона и Аристотеля через Фому Аквинского к классической немецкой философии (в частности, к Канту и Гегелю). При этом, разумеется, он диалектически развивает категории материи и формы. И именно в свете соотношения *данных* категорий, *а не* с позиций категории материи как некой универсальной субстанции всего сущего следует понимать смысл материалистического истолкования истории в его Марксовой редакции.

Но вот в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» К. Маркс пишет, полемизируя с Гегелем: «У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как *материальное*, пересаженное в человеческую голову и преобразованное (в оригинале стоит «übersetzte» [40, s. 709]. – А. Х.) в ней» [26, с. 21]. В данной цитате содержится два момента. *Первый* – то, что идеальное связывается с «человеческой головой» и *ничего* не говорится о существовании его «вне головы». На этой цитате и построена концепция идеального, разработанная и отстаиваемая (подчас довольно агрессивно) Д. И. Дубровским и его сторонниками. Кредо Дубровского, как известно, таково: «Идеальное не существует за пределами человеческого сознания, деятельной способности социального индивида» [12, с. 201]. Он тоже ссылается на тексты Маркса. «Проведенный нами специальный анализ текстов классиков марксизма, в которых употребляется термин “идеальное”, – заявляет он, – позволяет утверждать, что во всех случаях под указанным термином понимается именно субъективная реальность, т. е. мысли, представления, потребности, образы, цели, идеи реальных социальных субъектов...» [7, с. 144; 8, с. 45].

По поводу сакраментальной цитаты из послесловия ко второму изданию первого тома «Капитала», за которую ухватились Дубровский и иже с ним, Э. В. Ильенков писал: «Нужно специально оговорить, что это важнейшее для понимания Марксовой позиции положение может быть верно осмыслено только при том условии, если “иметь в виду”, что оно высказано в контексте полемики с *гегелевским* толкованием “идеального” и вне этого совершенно определенного контекста свой конкретный смысл утрачивает.

И если упустить из виду этот контекст, т. е. суть принципиального различия Маркса и гегелевского толкования “идеального” и превратить Марксово положение в *дефиницию* “понятия идеального”, то оно, это положение, утратив свой действительный конкретный смысл, обретает совсем другой, ему не свойственный и в нем не заключенный, т. е. будет истолковано совершенно ложно.

Очень часто оно понимается (толкуется) в вульгарно-материалистическом духе, и очень естественно, – стоит только понять под “человеческой головой”, о которой идет речь у Маркса, анатомо-физиологический орган тела особи вида *Homo sapiens*, т. е. совокупность вполне материальных явлений, локализованных под черепной крышкой отдельного индивида. Тогда все остальное получается уже автоматически» [13, с. 24]. «Здесь, – разъясняет Ильенков смысл Марксовой цитаты в другом месте, – имеется в виду общественно-развитая голова человека, все формы деятельности которой, начиная с форм языка, его словарного запаса и синтаксического строя и кончая логическими категориями, суть продукты и формы общественного развития» [14, с. 191].

К сожалению, Марксова характеристика идеального, содержащаяся в данной цитате, вопреки заверению (а может быть, просто желанию) Э. В. Ильенкова, носит *дефинитивный* характер. И контекст полемики с Гегелем тут не при чем. Марксу ничто не мешало высказаться по поводу своей концепции идеального более обстоятельно. Но он этого не сделал. Из приведенных же высказываний Э. В. Ильенкова отчетливо видно, что он явно тщится *защитить* Марксову *концепцию* идеального от Марксовой же *дефиниции* идеального. В свою очередь, можно утверждать, что Д. И. Дубровский и иже с ним *используют* Марксову дефиницию идеального *против* Марксовой концепции идеального.

Но – вернемся к Э. В. Ильенкову – его апология Маркса, при всей правильности толкования им (Ильенковым) сущности идеального, *тщет-*

на... Ведь своей дефиницией идеального Маркс фактически *зачеркнул* свою *концепцию* идеального. Между человеческой головой, в которой, конечно, присутствует идеальное, и человеческой действительностью вне этой головы, в которой также присутствует идеальное, Маркс *не установил* (в рамках данной дефиниции) соединительного звена. Его *установил* Э. В. Ильенков. «Определение идеального, – пишет он, – таким образом, сугубо диалектично. Это то, чего нет и вместе с тем есть, то, что не существует в виде внешней, чувственно воспринимаемой вещи и вместе с тем существует *как деятельная способность человека*. Это бытие, которое, однако, равно небытию, или наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта, в виде его внутреннего образа, потребности, побуждения и цели. Именно поэтому *идеальное бытие* вещи и отличается от ее *реального бытия*, как и от тех телесно-вещественных структур мозга и языка, посредством которых оно существует “внутри” субъекта. От структур мозга и языка идеальный образ предмета принципиально отличается тем, что он – *форма внешнего предмета*. От внешнего же предмета идеальный образ отличается тем, что он опредмечен непосредственно не во внешнем веществе природы, а в органическом теле человека и в теле языка как субъективный образ. Идеальное есть, следовательно, субъективное бытие предмета, или “инобытие” предмета, – бытие одного предмета в другом и через другое...» [14, с. 192–193].

Данная трактовка сущности идеального, во-первых, полностью *соответствует* Марксовой концепции идеального, во-вторых, *восполняет* тот изъян, который содержится в Марксовой дефиниции идеального. Но и Э. В. Ильенков делает *уступку* данной дефиниции, когда пишет: «Идеальное – субъективный образ объективной реальности, т. е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли» [14, с. 184–192]. Разумеется, данная дефиниция намного лучше Марксовой, но все же уступает *концепции* идеального, разработанной и отстаиваемой самим же Э. В. Ильенковым.

Но вернемся к Марксовой *дефиниции*. Ее *вторым* моментом является то, что в ней идеальное – *вопреки* Марксовой *концепции* идеального – соотносится *не с реальным, а с материальным*. Этим Маркс нанес второй серьезный *урон* своей концепции. Что он понимает в данном случае под материальным, неясно, но ясно одно: оно было истолковано в духе материализма Энгельса – Ленина и явилось впоследствии одним из ингибиторов

в разработке проблемы идеального. «Категория идеального, – заявляет, например, Д. И. Дубровский, – логически противостоит категории материального, в противном случае она утрачивает смысл. – И далее – «коронное»: – *Если материальное означает объективную реальность, то тогда идеальное должно означать субъективную реальность.* Таково, по моему убеждению, исходное, наиболее абстрактное определение категории идеального» [9, с. 15]. Э. В. Ильенков в статье «Идеальное» и в восьмом очерке «Диалектической логики», в которую вошел основной текст данной статьи, говорит преимущественно о соотношении идеального и *реального*. Но в статье «Диалектика идеального» он уже почему-то предпочитает говорить о соотношении идеального и *материального*.

Для позиции Д. И. Дубровского формула «идеальное – материальное» служит лишь *подтверждением* ее: ведь согласно ей, все, что вне «субъективной реальности», – *материально*. А отсюда и вывод: «Категория идеального должна сохранять во всех теоретических контекстах свое основное значение субъективной реальности» [12, с. 205]. М. А. Лифшицу формула «идеальное (NB: *Ideelle*) – материальное» позволяет интерпретировать концепцию Э. В. Ильенкова следующим образом: «...Идеальное рассматривается здесь как продукт сознания. Разница по отношению к обычному представлению, которое Ильенков оспаривает (т. е. к точке зрения Дубровского. – А. Х.), состоит только в том, что, во-первых, речь идет не об индивидуальном сознании, а о сознании общественном, коллективном и, во-вторых, что это сознание воплощено, “опредмечено”, зафиксировано знаками и общественными учреждениями, как говорят в таких случаях, “институционировано”» [24, с. 136].

Для него как для «материалиста» то, что находится вне сознания, как индивидуального, так общественного, однозначно *материально*. А в этом «материальном», согласно ему, существует идеальное, но уже не как *Ideelle*, а как *Idealle*. «“Идеальность”..., – утверждает Э. В. Ильенков, – есть не что иное, как аспект культуры, как ее измерение, определенность, свойство» [13, с. 72]. На данное утверждение М. А. Лифшиц реагирует резко отрицательно. «Нельзя сказать, – пишет он, – что идеальное это “аспект культуры”, но безусловно верно, что всякий подлинный аспект культуры заключает в себе идеальное содержание, имеющее объективную природу» [24, с. 139]. Идеальное по Ильенкову, рассуждает Лифшиц, воплощается в своих разнообразных «репрезентациях». На этом он-де и остановился. «Пойти

далее и сказать, что идеальное в нашем сознании, выраженное в его “репрезентациях”, является лишь отражением идеального в самой бесконечной материальной природе, он не решился, так как подобный взгляд представлялся ему какой-то уступкой идеализму Платона и Гегеля» [24, с. 140]. М. А. Лифшиц в данном случае демонстрирует полное непонимание концепции Э. В. Ильенкова (а значит, и К. Маркса). В ответ на свое приписывание Э. В. Ильенкову отождествления идеального (Ideelle) с сознанием (индивидуальным ли, общественным ли) М. А. Лифшиц мог бы прочитать у самого Ильенкова: «...Можно и нужно говорить, что сознание... “идеально”, т. е. относится к категории “идеальных” явлений, и ни в каком случае, ни в каком смысле или отношении *не материально*. Но если вы скажете наоборот, скажете, что “идеальное” – это и есть сознание (психический образ, “понятие” и т. д.), то тем самым вы внесете недопустимую путаницу в выражение принципиальной разницы (противоположности) между идеальным и материальным вообще. В самое понятие “идеального”» [13, с. 8–9].

Абстрагироваться от сознания (как индивидуального, так и общественного) в объяснении тех или иных «репрезентаций», разумеется, нельзя. Как отметил Маркс, «общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят...» [29, с. 249]. Или, как еще резче выразился С. Л. Рубинштейн, «без общественного сознания нет общественного бытия» [36, с. 72]. Но в мире человеческой действительности бытийствуют не только «репрезентации» общественного сознания (они, как правило, конвенциональны по своему происхождению). В этом мире существуют и такие «репрезентации», которые возникают и существуют вне зависимости от интенций сознания. Причем не только в системе отчуждения. Так что последнее тут не при чем.

Что же касается самого Э. В. Ильенкова, который в статье «Диалектика идеального» формуле «идеальное – реальное» предпочел формулу «идеальное – материальное», то это следует рассматривать как его *отступление* от своей (а значит, и от Марксовой) концепции идеального. Ведь если исходить из формулы «идеальное – материальное» и при этом понимать идеальное как объективный, а не только как субъективный феномен, настаивать на том, что это – «своеобразная категория явлений, обладающих особым родом объективностью, т. е. совершенно очевидной независимостью от индивида с его телом и “душой”, принципиально отличающейся от объективности чувственно-воспринимаемых индивидом единичных ве-

щей...» [13, с. 13–14], то требование логической консеквентности неизбежно приведет к *отождествлению* идеального со *всем объемом культуры* как объективной действительности, принципиально отличной от действительности *природы*. И в статье «Диалектика идеального» тенденция к этому *уже намечена*, если не сказать больше. Даже в процитированном только что тексте объективность идеальных феноменов сопоставляется с объективностью «чувственно-воспринимаемых единичных вещей». Но ведь культурное содержание как таковое (т. е. *не только* идеальное, *но и* реальное) чувственно *не воспринимаемо*.

Приведем еще высказывания Э. В. Ильенкова о сущности идеального. «“Идеальность” – это своеобразная печать, наложенная на вещество природы общественно-человеческой жизнедеятельностью, это форма функционирования физической вещи в процессе общественно-человеческой жизнедеятельности. Поэтому-то все вещи, вовлеченные в социальный процесс, и обретают новую, в физической природе их никак не заключенную и совершенно отличную от последней “форму существования”, идеальную форму. <...> Идеальность есть характеристика вещей, но не их естественно-природной определенности, а той определенности, которой они обязаны труду, преобразующе-формообразующей деятельности общественного человека, его целесообразной чувственно-предметной активности» [13, с. 51, 74]. Там же читаем: «Идеальная форма – это форма вещи, созданная общественно-человеческим трудом. Или, наоборот, форма труда, осуществленная в веществе природы, “воплощенная” в нем, “отчужденная” в нем и потому представшая перед самим творцом как форма вещи или как отношение между вещами, в которое их (вещи) поставил человек, его труд и в которое они сами по себе никогда бы не стали» [13, с. 74].

Налицо та уступка «идеализму» – если и не Платона, то Гегеля, – на которую, по словам М. А. Лифшица, Э. В. Ильенков не решился. Налицо *отход* последнего от своей *прежней* (а значит, и от Марксовой) концепции идеального. Тем не менее, свою новую трактовку Эвальд Васильевич (как и Д. И. Дубровский, как М. А. Лифшиц и как другие) *приписывает* К. Марксу: «Идеальность, по Марксу, и есть не что иное, как представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности. Или, наоборот, форма человеческой деятельности, представленная как вещь, как предмет» [13, с. 51]. Но отсюда может вытекать вывод, что человеческая предметная деятельность есть *всецело идеальный* процесс...

На деле же идеальное (и как *Ideelle*, и как *Ideale*) – категория, соотносимая с категорией *реального* (*Reelle, Reale*), а *вовсе не* с категорией *материального*. В этой связи человеческая действительность *реально-идеальна*, т. е. в ней соприсутствуют два *неслиянно-нераздельных*, диалектически сопряженных и переходящих друг в друга измерения – *реальное* и *идеальное*. Такова общественно-человеческая действительность, таков мир человека. Этот мир действительно обладает «особой объективностью», отличной от объективности природных феноменов. Дело в том, что природа *сама себя* воспроизводит, подчиняясь своим имманентным закономерностям. Но культура, как верно отметил М. К. Мамардашвили, «не может существовать, воспроизводиться и продолжать свое существование сама собой. Она должна в *каждый* момент *дополняться* воспроизводством какого-то усилия со стороны человека. Без этого мир умирает» [25, с. 8]. Сами закономерности общественно-человеческой, культурной действительности до известной степени – продукты предметной человеческой деятельности. Следовательно, атрибутом «особой объективности» обладает *не только идеальное, но и реальное* измерение культуры.

В своем «Капитале» К. Маркс по необходимости ограничился анализом идеального в сфере товарно-капиталистической экономики. Сфера идеального, конечно, не ограничивается меновой стоимостью и ее превращенными формами. Э. В. Ильенков раздвинул эту сферу, включив в нее семиозис (бытие знаков, символов, языка). Но при этом важно учитывать, что и в товарном мире *не только* меновая стоимость, *но и* потребительная стоимость содержит в своем наличном бытии (притом в значительно больших вариациях) идеальные содержания. Г. С. Батищев пишет: «Включая предмет в систему деятельности и тем самым в систему своей культуры, человек населяет его огромным множеством идеальных *значений*, совершенно отличных от реального изменения его реальной формы. <...> И только *вместе* со всеми этими идеальными своими значениями (а отнюдь не просто как реальное тело с реальной формой) каждый предмет культуры вполне конкретен как предмет человеческой действительности, как человеческий предмет» [2, с. 105].

Идеальное бытийствует как *континуально-дискретный* феномен. Верно, что наиболее полнокровно оно существует в живой, процессирующей деятельности распредмечивания-опредмечивания. С этим одинаково согласны и Э. В. Ильенков, и Д. И. Дубровский. Но, что любопытно, оба

же они *одинаково* понимают судьбу идеального по ту сторону живой деятельности. Э. В. Ильенков: «идеальное, как форма человеческой деятельности, и существует только в деятельности, а не в ее результатах... Когда предмет создан... а деятельность угасла в... продукте, умерло и само идеальное» [14, с. 201]. Д. И. Дубровский: «Опредмеченная мысль, “готовый” результат деятельности в виде вещи, текста и т. п. есть уже не идеальное, а материальное. Это *бывшее* идеальное, ставшее теперь социальной объективной реальностью. Идеальное выражает деятельную способность социального субъекта, оно существует лишь в процессе опредмечивания и распредмечивания, но его нет в “готовой” предметности, взятой самой по себе...» [9, с. 17].

Ленин, конспектируя «Науку логики», обратил внимание на мысль Гегеля о переходе идеального в реальное и оценил ее. «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока...*» [23, с. 104] – записал он в своем конспекте. И Ильенков, и Дубровский отразили именно данный процесс. Существует, конечно, и *противоположный* процесс – превращение реального в идеальное. И тот и другой, по сути дела, объясняют переход реального в идеальное через категорию распредмечивания. Правда, для Дубровского распредмечивание, судя по всему, тождественно *отражению*. Для Ильенкова это, разумеется, более содержательный процесс. Он, в частности, пишет: «Форма внешней вещи, вовлеченной в процесс труда, “снимается” в субъективной форме предметной деятельности; последняя же предметно фиксируется в субъекте в виде механизмов высшей нервной деятельности» [14, с. 193]. И это, безусловно, верно в отношении любой *реальной* «вещи» – природной или (и) культурной. Но если допускать, как это делают наши антагонисты, что в опредмеченной деятельности, в ее продукте *не существует идеального*, то из этого с неизбежностью следует, что *не существует никакого* принципиального различия между природной *вещью* и культурным *предметом*. И тогда вопрос о переходе, превращении *опредмеченного* («бывшего», по терминологии Д. И. Дубровского) *идеального* в *актуализованное*, «живое» идеальное благополучно снимается...

Правда, в «Диалектике идеального» Э. В. Ильенков уже пишет иное: «...“идеальное” существует только в человеке. Вне человека и помимо него никакого “идеального” нет. *Но человек при этом* понимается не как отдельный индивид с его мозгом, а как реальная *совокупность* реальных людей, совместно осуществляющих свою специфически-человеческую жизнь».

недеятельность, как “совокупность всех общественных отношений”, завязывающихся между людьми вокруг одного общего дела, вокруг процесса общественного производства их жизни. Идеальное и существует “*внутри*” так понимаемого человека, ибо “внутри” так понимаемого человека находятся все те вещи, которыми “опосредованы” общественно-производящие свою жизнь индивиды, – и слова языка, и книги, и статуи, и храмы, и клубы, и телевизионные башни, и (прежде всего!) орудия труда, начиная от каменного топора и костяной иглы до современной автоматизированной фабрики и электронно-вычислительной техники. В них-то, в этих “вещах”, и существует “идеальное” – как опредмеченная в естественноприродном материале “субъективная” целесообразная формообразующая жизнедеятельность общественного человека» [13, с. 75–76].

Спрашивается, к чему такой конструкт человека? На каком-то уровне абстрактности, определенном конкретными задачами исследования, он, конечно, вполне допустим. Но на том уровне, на котором в данном случае необходимо рассматривать общественно-человеческую действительность, данный конструкт *иррелевантен*. Ведь логика требует, чтобы все метаморфозы, в том числе и метаморфоз идеального в реальное и обратно, осмыслились, как выражается и сам Э. В. Ильенков, «“внутри” так понимаемого человека». На деле для того, чтобы постулировать тезис о существовании идеального вне «отдельного индивида с его мозгом», необходимо просто-напросто *сменить уровень абстрактности*, т. е. перейти на более конкретный уровень рассмотрения. И тогда не потребуется такой мистифицированный «Человек».

Как отмечено Г. С. Батищевым, «культурно-исторический субъект не *вне-* и не *на* индивидуален, но он и *не* индивидуален. ...Он не заточен в непосредственное бытие изолированного индивида, но и не стоит вне и над индивидами – он *межиндивидуален*» [2, с. 92–93]. А еще раньше С. Л. Рубинштейн писал: «...человек есть лишь в своем отношении к другому человеку: человек – это люди в их взаимоотношениях друг к другу. Человек как абсолют, как “вещь в себе”, как нечто обособленное и замкнутое в себе – это не человек, не человеческое существо и, более того, это вообще не существо, это нечто не существующее – ничто» [36, с. 4]. По мысли С. Л. Рубинштейна, без общественного сознания нет общественного бытия. Человеческая социокультурная и одновременно культурно-историческая действительность образована, конечно, преимущественно предмет-

ной деятельностью, но последняя имеет *два вектора*: отношение «субъект – объект» и отношение «субъект – субъект». И второе как раз и является превалирующим, содержащим внутри себя первое как свой собственный момент. И важно, что не только преобразовательно-созидательный аспект человеческой деятельности является *предметным*; человеческое отношение к человеку, общественное отношение столь же *предметно*. Маркс писал: «...предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку [28, с. 47].

Именно в пространстве связей и отношений между людьми и бытиями существует феномен идеальности. Здесь оно существует *и* в форме внутреннего, душевно-духовного состояния-достояния индивида, *и* в форме процессирующего измерения его преобразовательно-созидательной активности, *и* его отношения к другому индивиду, *и* в опредмеченной форме в теле культуры (а это – *реальное*, а отнюдь не чисто природное, натуральное тело). Стало быть, опредмечиваясь в реальном, идеальное *не исчезает*, а продолжает существовать *виртуально-эвентуально*, так сказать, в анабиотическом состоянии. При этом следует иметь в виду, что идеальное *многоуровнево*; таковым оно существует и в опредмеченной форме. Одним из таких уровней является мысль, и она также приобретает предметную форму фиксации. К. Р. Мегрелидзе в свое время писал: «Через материальную оболочку вещи, утвари, постройки, рисунка и т. д. просвечивает работа мысли, человеческого разума, принявшего в ней вещественную форму. Они составляют предметные свидетельства человеческой деятельности, а стало быть – человеческих мыслей» [31, с. 129].

Выше нами было отмечено, что соотношение культуры и природы легко объясняется посредством категорий материи и формы. Уместны они и при раскрытии диалектики идеального и реального. Однако не следует думать, что в данном случае идеальное соотносимо с формой, а реальное – с материей. *Оба* они относятся к области *формы*, а тот природный материал, в котором они опредмечены, составляет *материю*. Но Гегель, как известно, различал *внутреннюю* форму, тождественную с содержанием, и *внешнюю* форму. М. М. Бахтин различал соответственно архитектурную и композиционную формы. Идеальное и реальное в том случае, когда феномен культуры является *преимущественно* идеальным (как знак, сим-

вол, художественное произведение и т. д.), соотносятся как внутренняя (архитектоническая) и внешняя (композиционная) формы. Если же феномен культуры преимущественно реален и, стало быть, идеальный его аспект для него вторичен, идеальное и реальное уже не соотносятся по логике внутренней и внешней формы.

Идеальное как субъектно-деятельностная способность может быть различной степени развитости. Поэтому *не всякое* опредмеченное идеальное доступно *всякому* субъекту. Приведем известный пример. В Англии на Солсберийской равнине возвышается гигантское мегалитическое сооружение, возведенное на рубеже каменного и бронзового веков, именуемое Стоунхенджем. На протяжении многих веков Стоунхендж был загадкой для людей. Долгое время он считался святилищем друидов. С середины XVIII в. был раскрыт один из астрономических аспектов Стоунхенджа: было выяснено, что главная его ось ориентирована на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. И только XX в. принес полную разгадку этого сооружения. Астроном Дж. Хокинс определил Стоунхендж как астрономическую обсерваторию и вычислительную машину каменного века. Оказывается, Стоунхендж позволял не только точно указывать даты солнцестояний и равноденствий, но и предсказывать лунные и солнечные затмения [39]. Для того, чтобы это открыть, разумеется, необходимо обладать соответствующим уровнем и качеством знаний. Но это относится, в целом, к *реальной* стороне Стоунхенджа.

Вскоре советские ученые В. И. Авинский и В. Ф. Терешин установили, что в архитектонике Стоунхенджа закодированы данные о размерах радиусов Земли, Луны и планет Солнечной системы, расстояние от Земли до Луны, а также целочисленное выражение числа «пи» [1]. А это уже относится не к реальной, а к *идеальной* (ideelle) стороне Стоунхенджа. И если бы, как полагает Д. И. Дубровский и полагал до «Диалектики идеального» Э. В. Ильенков, идеальное, существовавшее до строительства Стоунхенджа в виде его плана и во время его возведения, *полностью* и бесследно исчезло по его завершении, то никто – при любой степени развитости воображения – не открыл бы его. Ведь, согласно древнему принципу, подобное доступно подобному. Стало быть, конкретное идеальное доступно лишь *подобному* идеальному.

Завершая статью, следует сказать, что проблема идеального *еще далека* от оптимального решения. Мы, далее, считаем, что основное, так ска-

зять, фундамент, сделано Карлом Марксом и Эвальдом Васильевичем Ильенковым в его работах до 1975 г. (т. е. в статье «Идеальное» и в восьмом очерке «Диалектической логики»). В статье «Диалектика идеального» Э. В. Ильенков в некотором отношении конкретизирует свою прежнюю концепцию, но в то же время и отходит от нее. Стало быть, дальнейшая разработка категории идеального должна явиться *продолжением дела Маркса и Ильенкова* (с указанной оговоркой). Любой синтез моделей Ильенкова и Дубровского, Ильенкова и Лифшица или же их всех трех – это не тот путь, на котором задача может быть решена сколько-нибудь адекватно. Идеальное – никакая не «субъективная реальность», так как в душевно-духовном мире личности присутствуют и идеальное, и реальное. Идеальное не есть и некое объективное бытие «естественных пределов» в природных феноменах, некий их «идеал»; оно не есть также «модификация всеобщего».

Но и та трактовка идеального, которая зафиксирована в статье «Идеальное» и в восьмом очерке «Диалектической логики», нуждается в корректировке. Так, Э. В. Ильенков очень часто характеризует идеальное как бытие одной *вещи* посредством бытия другой *вещи*. Но нельзя ограничиваться только вещами. Г. С. Батищев, к примеру, пишет: «Человек делает *одни* реально-преобразуемые предметы, включенные в систему деятельности, опредмеченными воплощениями реального преобразования *других* предметов, их “инобытием”. Каждый предмет для человека только потому и выступает как предмет реально-преобразовательного процесса, что его подвергаемая распредмечиванию имманентная логика одновременно запечатлевается *вне* и *помимо* него самого как представленная в форме реального преобразования других предметов – носителей этой логики – и что в форме такой представленности она преобразуется *вне* и *помимо* него – идеально» [2, с. 105]. Не только предмет, но также деятельность и отношение могут осуществляться и действительно осуществляются через другую деятельность и через другое отношение, быть представленными через них. Собственно говоря, в неразвернутом виде в концепции Э. В. Ильенкова это присутствует. Но именно в неразвернутом.

Э. В. Ильенков связывает диалектику идеального и реального с предметной деятельностью. Но, как обосновал в своих последних работах Г. С. Батищев, «деятельность не есть единственно возможный, универсальный *способ бытия* человека, культуры, социальности, не есть единственный и всеохватывающий способ взаимосвязи человека с миром» [3, с. 24–25].

В бытии человека, а стало быть, и в создаваемой им социокультурной действительности присутствуют *до-деятельностный*, *деятельностный* и *над-деятельностный* уровни. И хотя доминирующим является именно деятельностный уровень, проблема идеального должна, на мой взгляд, решаться с учетом всех уровней.

Список литературы

1. *Авинский В.* Новые загадки Стоунхенджа / В. Авинский // На суше и на море: повести. Рассказы. Очерки. Статьи. Москва: Мысль, 1980. 477 с.
2. *Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. Москва: Наука, 1969. С. 79–144.
3. *Батищев Г. С.* Неисчерпанные возможности и границы применимости категории деятельности / Г. С. Батищев // Деятельность: теории, методология, проблемы. Москва: Политиздат, 1990.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 томах / Г. В.Ф. Гегель. Москва: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
5. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 томах. Т. 1. Наука логики / Г. В.Ф. Гегель. Москва: Мысль, 1974. 695 с.
6. *Донских О. А.* Методология исследования феномена идеального / О. А. Донских, А. Н. Кочергин // Проблемы методологии науки. Новосибирск: Наука, 1985. С. 135–154.
7. *Дубровский Д. И.* Категория идеального в системе марксистского философского знания (статья первая) / Д. И. Дубровский // Философские науки. 1982. № 5. С. 140–147.
8. *Дубровский Д. И.* Категория идеального: единство онтологических и гносеологических аспектов / Д. И. Дубровский // Философские науки. 1981. № 4. С. 40–49.
9. *Дубровский Д. И.* Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания / Д. И. Дубровский // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 15–27.
10. *Дубровский Д. И.* Мозг и психика / Д. И. Дубровский // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 125–135.
11. *Дубровский Д. И.* По поводу статьи Э. В. Ильенкова «Психика и мозг» / Д. И. Дубровский // Вопросы философии. 1969. № 3.
12. *Дубровский Д. И.* Проблема идеального / Д.И Дубровский. Москва: Мысль, 1983. 228 с.

13. *Ильенков Э. В.* Диалектика идеального / Э. В. Ильенков // Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. Москва: Искусство, 1984. С. 8–77.
14. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. Москва: Политиздат, 1974. 271 с.
15. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. 2-е изд., доп. Москва: Политиздат, 1984. 320 с.
16. *Ильенков Э. В.* Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. Москва: Политиздат, 1968. 319 с.
17. *Ильенков Э. В.* Проблема идеала в философии (Статья I) / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. 1962. № 10. С. 118–129.
18. *Ильенков Э. В.* Проблема идеала в философии (Статья II) / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. 1963. № 2. С. 132–144.
19. *Ильенков Э. В.* Проблема идеального / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140.
20. *Ильенков Э. В.* Проблема идеального / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. 1979. № 7. С. 145–158.
21. *Ильенков Э. В.* Психика и мозг (ответ Д. И. Дубровскому) / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 145–155.
22. *Ильенков Э. В.* Философия и культура / Э. В. Ильенков. Москва: Политиздат, 1991. 464 с.
23. *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики» / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 томах. Москва: Политиздат, 1973. Т. 29: Философские тетради. С. 77–218.
24. *Лифшиц М.* Об идеальном и реальном / М. Лифшиц // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120–145.
25. *Мамардашвили М. К.* Философия и личность / М. К. Мамардашвили // Человек. 1994. № 5. С. 5–19.
26. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I, кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1960. Т. 23. 900 с.
27. *Маркс К.* Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва: Политиздат, 1988. 544 с.
28. *Маркс К.* Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 3–230.

29. *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 годов. Процесс производства капитала / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1973. Т. 47. 657 с.

30. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. 553 с.

31. *Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления / К. Р. Мегрелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 488 с.

32. *Нарский И. С.* Практика как категория диалектического и исторического материализма / И. С. Нарский // Философские науки. 1980. № 1. С. 27–38.

33. *Новиков А. А.* О содержании и статусе категории идеального в марксистской философии / А. А. Новиков // Вопросы философии. 1988. № 3. С. 49–56.

34. *Пивоваров Д. В.* Идеальное / Д. В. Пивоваров // Современный философский словарь. 2-е издание, исправленное и дополненное. Лондон [и др.]: ПАНПРИНТ, 1998. С. 306–313.

35. *Пивоваров Д. В.* Проблема носителя идеального образа. Операционный аспект / Д. В. Пивоваров. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. 130 с.

36. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. Москва: Наука, 1997. 224 с.

37. *Соколов А. В.* Идеальное: проблемы и гипотезы / А. В. Соколов // Вопросы философии. 1987. № 9. С. 93–112.

38. *Хамидов А. А.* Материя и форма / А. А. Хамидов // Диалектическая логика. Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 104–137.

39. *Хокинс Дж.* Разгадка тайны Стоунхенджа / Дж.Хокинс, Дж.Уайт. 2-е изд., стер. Москва: Мир, 1984. 256 с.

40. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Bd. 1. / К. Marx // MEGA. Berlin: Dietz Verlag, 1987. II Abt. Bd. 6. 719 s.

41. *Marx K.* Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Bd. 1. / К. Marx // MEGA. Berlin: Dietz Verlag, 1983. II Abt. Bd. 5.

42. *Marx K.* Ökonomische Manuskripte 1857/58. Text. T. 1.1 / К. Marx // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). T 1. 1. Berlin: Dietz Verlag, 1976. II Abt. Bd. I. 309 s.

43. *Marx K.* Ökonomische Manuskripte 1857/58. Text. T. 1. 2 / К. Marx // MEGA. II. Abt. Bd. I. Berlin: Dietz Verlag, 1981. S. 313–747.